

Болеслав Слоскан.

Свидетель Бога в безбожии. Тюремный дневник¹

«Начало марта 1928 года.

Транспорт прибыл в Ленинград. Мы должны выйти и пешком улицами идти в тюрьму по Константиноградской улице, дом 2. Камера 66 — для меня. В Ленинграде посетил меня епископ Малецкий. Моим первым вопросом было: Пострадал ли кто-нибудь из-за меня? Как же я благодарил Бога, когда узнал, что ни в Ленинграде, ни в Москве никто из наших в течение всего времени не был задержан. Я использовал возможность и исповедовался сквозь двойное окно с решеткой. Мое сердце переполнила бесконечная радость.

Нас забрали на Соловки.

11 марта 1928 г<ода>.

Прибытие на Попов-остров, недалеко от города Кемь. В распределительном пункте охранники агрессивно встретили нас руганью и матерщиной. Мы должны были встать в очередь и построиться во дворе. Бранными словами обучали нас, как должно отвечать на приветствия. Их грубые шутки над нами продолжались три часа. Потом мы были отдельно друг за другом проведены в бараки, на отведенное нам место. Оно было такое узкое, что мы должны были договориться спать только на боку. Бараки имели вид огромных дощатых амбаров. В них стояли по 2 железные печи и по 2 ряда нар. Грязь и невыносимая духота потрясала каждого входящего. Блохи, вши и другие насекомые были так многочисленны, что на верхних нарах никто не мог спать. А днем здесь работали. Я получил место в нижнем ряду. На следующий день началась работа: колка льда, перевозка снега, пиление дерева. В лагере были и другие католические священники, такие как, например, Леонард Барановский², Константин Сапаривили³, Шио Батманишвили⁴. Мы попробовали создать одну группу и остаться вместе. Надзиратель постоянно ходил и подгонял, чтобы мы быстрее двигались. Он обзывал нас всегда новыми и подобранными словами. Единственное, что его в какой-то мере умирало так это то, что всем имевшимся у нас, мы

¹ Boleslas Sloskans. Zeuge Gottes bei den Gottlosen. Gefängnistagebuch Kirche in Not / Ostpriesterhilfe. München 1988. S. 52-80. Перевод с немецкого отец Бронислав Чаплицкий.

² **Барановский** Леонард Николаевич, родился в 1875 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию и академию, в 1900 — рукоположен. С 1900 — викарий прихода в Орле, в 1901 — кандидат богословия, с 1902 — викарий прихода в Петербурге, с 1904 — в Смоленске, с 1909 — декан Полоцкий, с 1914 — администратор прихода в Казани, с 1915 — в Витебске. В 1919 — арестован как заложник, вскоре освобожден. 4 июля 1922 — арестован, 21 июля освобожден. В июне 1925 — арестован по обвинению «в шпионаже». 26 июня приговорен к 3 годам ИТЛ и летом 1926 — отправлен в Соловецкий лагерь.

³ **Сапаривили** Константин Георгиевич, родился в 1887 в Тбилиси. Окончил духовную семинарию в Константинополе, изучал богословие в Григорианском университете в Риме, 8 декабря 1911 — рукоположен; после возвращения в Грузию служил в Ахалцыхе. В 1915 — выслан из Грузии «за патриотическую прогрузинскую деятельность»; служил в храме Саратова, с 1918 — недолго работал в Константинополе, затем вернулся в Грузию, служил в Гори, обслуживал и другие приходы, с 1924 — в Ахалцыхе и Кахетах. В 1927 — арестован в Баку, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴ **Батманишвили** Шио Григорьевич, родился в 1885 в Тифлисской губ. Окончил духовную семинарию и академию, в 1912 — рукоположен. Служил в приходе в Кутаиси, затем настоятелем прихода в Ахалцыхе. В 1921 и 1922 — неоднократно совершал поездки в Константинополь. С 1922 — настоятель грузинского католического монастыря, с 1925 — Апостольский администратор католиков Грузии. 16 октября 1927 — арестован, 16 января 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

делились с ним и отдавали ему также все, что могли купить в лагерной лавке.

Вскоре мы были доведены до перегрузки и истощения. Питания было совершенно недостаточно и без единого грамма жира. В бараке был спертый воздух. Мы поддерживали друг друга взаимно духовными средствами, часто исповедовались и вспоминали примеры святых, которые в своей жизни намного больше страдали. Сейчас приятно вспомнить, как мы громким голосом читали Розарий и несли наше ярмо. Мы постоянно напоминали друг другу с радостью, что удостоились лучшей части. Норма работы была ударной. Мы могли вновь начинать работу только благодаря усердной любви к Богу. Мы были способны на этот подвиг только потому, что Бог нам это место приготовил, и потому что Он хотел, чтобы мы страдали здесь и нигде в другом месте. Только позже для нас стало ясно, что Бог сохранил наше духовное здоровье потому, что мы Его воле ничего другого не предпочитали. Ведь, в конце концов, человек привыкает ко всему, и, если не беречься, можно было быстро погрязнуть в безнравственности.

Через две недели после нашего прибытия доставили новую группу узников, среди которых было несколько женщин. На следующее утро я как раз подметал, когда на работу выводили женщин. Я узнал Пелагею Василевскую, сестру отца Василевского из моей общины в Могилеве. Мы поздоровались и начали разговаривать, не думая о том, что было запрещено говорить с женщинами. Начальник барака заметил нас и обругал матерными словами, а мне угрожал годом ударной работы на Секирной горе. В качестве штрафа он назначил мне три дня ареста в бараке. Я должен был это время выдержать в испорченной атмосфере без свежего воздуха.

6 апреля 1928 г<ода>.

Была создана рабочая группа из 13 священников и отправлена на стройку большой дороги в Ухту. Мы с отцом Константином Сапаршвили тоже входили в нее. Нам дали хлеб с соленой рыбой, и мы отправились каждый со своим узелком.

На четвертый день мы вместе достигли места назначения. Оно находилось на расстоянии 103 километров от города Кемь. Благодаря хлопотам отца Сапаршвили я остался с ним. Сутки спустя, однако, его забрали в другое место, и мне пришлось подчиниться насилию кубанских казаков. Меня "очистили" от одежды, особенно зимней.

Постельного белья не было. Мы проживали в маленькой, спешно приспособленной, задымленной камере. Местом для сна нам служили полевые раскладушки. Здесь также было много насекомых. Но для того, кто однажды пережил ужас пересыльного лагеря в Кеми, это не могло быть неожиданным. Приходилось жить со вшами. Мы сами стирали свои вещи и готовили еду. Матрасы меняли мы 2 раза в месяц: первого и пятнадцатого. Но мы должны были их сами приносить из отдаленного на 15 километров пункта. На спине тащили мы хлеб на 2 недели, рыбу, соль, крупу и немного растительного масла. В начале года дороги были почти непроходимыми. Снег таял, создавая повсюду потоки. Некоторые участки дорог были размыты, и вода доходила до колен, а у меня не было сапог. Я должен был проделывать этот путь в своих валенках. Они сразу же промокли, но по причине холода невозможно было ходить босиком. Возможно, я как раз на этом тяжелейшем пути перенес ту простуду, которая лишила меня всех моих физических сил.

Уже в день нашего прибытия началась работа, хотя мы еще ничего не поели. Тяжелые мешки с провиантом и кормом мы должны были погрузить на себя. Отец Сапаршвили и я волокли мешки полные овса, проса,

гороха и другого зерна, а также большой тюк сена. Мы выгрузили все это на отведенном месте и очень скоро почувствовали усталость. Как сильно было желание сесть и отдохнуть. Апатия охватывает и завладевает тобою, ты ни о чем больше не в состоянии думать и знаешь только то, что ты раб. Я не привык к такой работе, а казаки считали мою усталость и нетрудоспособность только лишь ленью. Их скверное настроение и ругательства были нашим насущным хлебом. Отец Сапаришвили стал моей моральной опорой.

Казаки не любили работы, спали утром долго и потом беспокоились о своих трудоднях. Большую часть времени я трудился один в их пользу. В работе недостатка не было. Постоянно встречали мы новые транспорты с подвозом на летние месяцы, в мае для различных работ пришел еще один (транспорт).

Мне приказали снегом и сухими ветками укрывать погреба, в которых хранились капуста, рыба или мясо, чтобы эти продукты не портились от тепла. Но снег уже таял, поэтому этот приказ можно было выполнять только утром и вечером, когда было холоднее. Мои руки пухли, а я еще по причине сильной боли, особенно в почках, должен был сгибаться. Моя одежда превратилась в лохмотья, моя шуба была в дырах. Ледяной ветер гулял по вспотевшему телу, но не напряжение выжимало воду из пор, а полное истощение. Я постоянно пытался как-нибудь улечься на земле, и я действительно уснул бы в снегу, если бы ко мне не вернулось сознание.

Голод меня беспокоил, но я был просто слишком слаб и бессилён, чтобы себе что-нибудь приготовить. Впрочем, не было также и продуктов для готовки: кашу из проса мы готовили на воде с каплей растительного масла или даже варили просяной суп. Рыбы хватало на 2 или 3 раза, максимально — на четыре, но это было не только мясо, но и еще немного жира.

Еще одной моей обязанностью был ночной обход. После исполнения всех тяжелых дневных приказов, я должен был еще и сторожить. Я выполнял эту задачу, постоянно борясь со сном. Иногда я ложился просто на улице и там спал до утра.

Однажды я получил посылку. Она содержала все необходимое для проведения Св. Мессы. Я отправил отцу Сапаришвили маленькую записочку, и после ухода надзирателя отец пришел ко мне. Потом мы оба друг у друга исповедовались и смогли в нашем "курятнике" на закопченном столе отслужить Мессу. Мы возрадовались, обнимали друг друга и в честь нашего духовного праздника подкрепились изысканной едой с жиром и вермишелью, которые тоже были в посылке. Когда я рассказал одному казаку, что с одним гостем мы съели половину макарон, он не удержался от гнева. Он перетряс мою посылку, как будто она была для него и его гостей, а не для меня.

Ухта — никогда не забуду командировки на 103 километр. Не только по причине испытаний, но и благодаря духовной пользе, которую я из этого извлек, сострадая вместе с другими. Для нашей духовной поддержки мы попытались еще раз отслужить Мессу, однако для меня это оказалось невозможным. Поэтому я нашел предлог, чтобы попасть туда же, где находились священники. Там мы служили поочередно Мессу ночью, в одном холодном помещении, так как более подходящего места мы не могли найти. Это было в мае, три недели спустя после нашей первой Мессы в том краю.

Однажды меня отправили на 111 километр. Я узнал, что там был надзирателем бывший следователь ГПУ из Лепеля в Белоруссии. Из разговора с ним я понял, что он хорошо знает многих наших священников. Он сказал, что он присутствовал также при аресте отца Иосифа

Бородзюли⁵, который сейчас находится в заключении на Соловках. Я сказал ему, что не знаю, почему и за что был приговорен, в итоге не чувствую себя виновным в каком-либо преступлении. Он ответил с прямолинейной искренностью, что весь процесс был чистой формальностью. ГПУ хотело просто расправиться со мной, чего оно и достигло. Это бывало обычным у ГПУ, чтобы духовных лиц обвинить в антисоветской деятельности, а священников из приграничных областей — в шпионаже.

В течение своего рассказа, он посмотрел в имевшиеся у него списки арестованных и сказал, что я в соответствии со статьей 58-6 был осужден за шпионаж. «Будьте уверены, — продолжал он, если бы вы действительно были шпионом, вы так легко бы не отделались. Делается открытый показательный процесс, и вас потом расстреливают или, по крайней мере, приговаривают к 10 годам концлагеря». Я был благодарен этому человеку за его рассказ, но не считал нужным ему мою благодарность показывать. Он рассказал мне также историю отца Павла Карповича⁶, декана из Лепеля. Из-за его большого влияния ГПУ решило его устранить. Однако, в начале революции, отец Карпович спас жизнь многих коммунистов, которые были приговорены к смерти польской администрацией. Он просто падал на колени и просил о помиловании. Поэтому в верхах ГПУ не было единого мнения по поводу наказания, которое должно была быть к нему применено. Некоторые считали, что его надо оставить в покое. Это привело к компромиссу: отец Карпович должен был быть сослан, правда, не в концлагерь, а на три года в Вятку (я не знаю, где она находится). Потом я узнал дальнейшие подробности. В итоге, отец Карпович должен был провести в ссылке четыре года. Когда его здоровье было полностью подорвано, они разрешили ему вернуться в Белоруссию. Недалеко от Могилева, выбившись из сил, он упал на землю. Мой генеральный викарий, отец Авгло, писал мне неоднократно, что отец Карпович часто не мог подняться на ступеньки лестницы, и что его состояние здоровья требовало постоянной заботы. Некоторым измученным и сломленным ссылкой людям иногда позволяли вернуться домой. Для других же ссылка не кончилась никогда.

Конец мая 1928 г<ода>.

Я был вызван в Кемь. Снова надо было пройти пешком 103 километра. Везде только вода, грязь или болото. Каждый шаг удручал и выбивал из сил. Мне совсем было не по душе отправляться в путь, так как я незадолго до того получил одежду и белье, которые сейчас должен был тащить на спине. В том состоянии истощения, в каком я находился, я не верил, что донесу эту ношу.

Когда я за три дня проделал 30-35 километров, я узнал новое место назначения. Я должен был стать сторожем на 89 километре, на берегу реки Кемь. Я очень радовался, потому что вместо длинного марша, мне

⁵ **Бородзюля** Иосиф Иосифович, родился в 1893 в Витебской губ. В 1910 — окончил среднюю школу в Витебске, работал секретарем в суде. В 1917 — окончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге и 27 мая 1917 — рукоположен. Поступил в духовную академию, но обучение не закончил в связи с ее закрытием. С 1919 — викарий прихода в Полоцке, с 1920 — в селах Витебского деканата. 29 декабря 1926 — арестован в Витебске, в марте 1927 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. С 1927 — находился в Кемь, затем был отправлен на Попов-Остров.

⁶ **Карпович** Павел Ксавериевич, родился в 1868. Окончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге, в 1893 — был рукоположен. С 1894 — викарий кафедрального собора в Минске, позднее администратор прихода в Фастове, обслуживал также приходы в селах Могилевского деканата, с 1906 — настоятель и декан прихода в Лепеле Минского деканата. Во время польско-советской войны спас нескольких местных коммунистов. 5 апреля 1927 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Вятку; заболел в ссылке (туберкулез легких); в январе 1931 — освобожден, вернулся в Белоруссию.

надо было сейчас только несколько километров обратно вернуться. Когда я дошел, был уже болен. На следующее утро я не мог встать по причине боли в почках и в левой ноге. Нерв ишиаса был воспален. Непрестанный кашель обложил мои бронхи и сотрясал все тело. Боли были жестокие, однако я должен был встать, спуститься на берег и разбить палатку, которая вся была дырявая и со всех сторон продуваемая ветром. Когда шел дождь, все промокало, и было холодно, в солнечную погоду — было очень душно. Мои ноги постоянно были холодными и мокрыми. Ветер дул сюда с берега беспрерывно. Поднимаясь на двух палках, которые служили вместо костылей, я часто тянулся к моей палатке. Я засыпал на мешке сена, укрывшись всеми своими тряпками. Так продолжалось долго. Суп и чай я готовил на углях, для чего я собирал сухие ветки и сжигал.

Вся эта работа, которая на самом деле не была тяжелой, по причине моей болезни привела к полному истощению моих сил. Я стал совсем апатичен, измучен жизнью. Из-за потения или истощения я потерял тогда и слух. Я мог только кое-что понимать, если кричали прямо в мое ухо. Разговаривая, я жестикулировал, как немой.

Рядом со мной происходили страшные вещи. Начинались весенние работы. Длинные колонны заключенных проходили возле моего поста. Направлялись в лес или на дорожные работы. Свои пожитки они тащили, привязав к спине; шли без остановки всегда вперед, не зная, что принесет следующий день.

Через неделю отцепили поезд, и заключенные приходили отдельно или малыми группами в лагерь. Как они выглядели! Лица и ноги распухшие, они взаимно тянули друг друга вперед. Связанные длинным стволом, другие на двух палках, иные в тачках. Это было страшно. Цинга, побои и невыносимые для человека работы приводили к тому, что они ждали смерти, как избавления.

Эти отчаявшиеся заключенные пытались убежать с работы или из барачных. Но все эти попытки оканчивались в штрафной колонии или пулей. Со мной прибыл один молодой коммунист из Москвы, который был приговорен к трем годам ссылки. Едва прибыл — включился в надзор и стал охранником. Он получил ружье и гонял других на работы. Я встретил его в палатке на пути из Ухты. Он привел многих заключенных. Они были полумертвые и отправлялись в Кемь. Во время нашего разговора он рассказал, что многие заключенные предпринимали попытку к бегству, и он уже некоторых застрелил. «Иван Иванович, — спросил я его, полушутя. — Вы и меня так же застрелите, если я попытаюсь бежать?». — «Нет, я уверен, что Вы не возьметесь бежать», — ответил он уклончиво.

В июне я использовал жару; чтобы отогреться. Поблизости находился бассейн для государственных служащих. Я старался использовать любую возможность, чтобы там с помощью парилки прогреть мои больные места, в основном, мою левую ногу и почки. Боли впоследствии возобновились, но глухота не вернулась.

В последних числах июня пришел врач, который должен был опекать заключенных. Он сам был заключенным, а звали его Исая Моисеевич Муш. Он разыскал меня и хлопотал, чтобы я поступил в больницу, находившуюся под его наблюдением. Взяли меня в барак-лазарет. У меня была температура 38 градусов. Диагноз гласил: состояние общего истощения, ишиас, сердечная недостаточность. Я вспоминаю не столько лекарства, которые они мне давали, а питание, оно было несравненно лучше. Горячие ванны, рыбный жир... Я почувствовал себя лучше и скоро смог ходить совсем без палок. Врач предупредил меня перед возвращением на дорожные работы, что я тут же погибну. Если я этого хочу, то он может похлопотать, чтобы я попал в больницу центральной пересыльной станции в Кеми.

Я согласился, но эти планы провалились, потому что для моего диагноза там не было необходимого места. Из-за большого количества больных в госпиталь в Кемь принимались действительно только в самых тяжелых случаях. Так как температура после моего возвращения из лазарета снова поднялась к 39 градусам, а также вновь вернулись боли, в итоге это позволило все-таки меня принять в Кемь. Питание там было даже еще лучше, чем в лазарете, и я был вскоре поставлен на ноги своей медсестрой, хорошо разбиравшейся в своей профессии. Она также была заключенной. Один наш священник был также там и помогал в уходе за больными. Единственно только, что мне мешало там: множество вшей не оставляли меня в покое ночью. Я все-таки немного отдохнул, лихорадка отступила. Тогда я мечтал отправиться на Соловки, где заключенные и духовные лица живут в лучших условиях. Я согласился и скоро оказался на борту судна "Глеб Бокий", в группе больных направляющихся на Соловки, чтобы там попасть в больницу.

12 августа 1928 г<ода>.

Я был туда доставлен. Питание было отвратительное. Первые дни никто обо мне не беспокоился. Персонал, врачи и медсестры — все были заключенными. Среди них нашелся и православный иеромонах. На третий день этот монах, отец Иннокентий, пришел ко мне и сказал: «Вы — епископ. Этого я не знал». Тотчас было выделено место в одной из палат. Началось лечение. Назначались все новые процедуры. Скоро отступили боли в левой ноге. Боли в почках ощущаю иногда еще и сегодня, в основном, когда бывает холодно. Правда, я едва мог есть, желудок ничего не переносил. Укрепляющие лекарства также давали только временное облегчение. В итоге, как не тяжелобольной, я был выслан обратно 21 августа 1928 г<ода>.

Когда я сегодня, двадцать лет спустя, благодарю Бога за все страдания в Ухте, где мне не хватало обычной человеческой помощи, а я не только не погиб, но от этого даже не последовало ни полной потери здоровья, ни хронической болезни, я воспринимаю все это как чудо Божией благодати.

Они поместили меня с другими католическими священниками в комнате бывшего монастыря. Нас было девять человек. К этому времени на острове находилось всего двадцать католических священников. Благодаря стараниям одного из тех священников меня сделали сторожем. В этой должности я оставался до 30 января 1929 г<ода>.

Мы получали не только теплую одежду, но и обувь. Моя накидка полностью вытерлась, но в один прекрасный день я получил посылку с телогрейкой, которая меня хорошо оберегала от мороза.

Работа сторожей была поделена на три смены. Одну неделю я дежурил с полуночи до 8 часов утра, вторую — с 8 до 16.00 часов и третью — с четырех пополудни до полуночи.

Значит, мы находились в счастливой ситуации. Могли помогать и поддерживать друг друга. Вследствие наших обращений нам предоставили для пользования православную часовню Св. Германа. Там мы могли служить мессу в свободное от работы время. Разрешение было получено еще до моего прибытия. По воскресениям и праздникам служили мы торжественно, попеременно или в латинском, или византийско-славянском обряде. В этом участвовали не только наши священники, но также и заключенные-католики. В этой часовне я рукоположил Доната Новицкого, сначала в диаконы, потом — во священники. Рукоположение состоялось в строжайшей тайне 7 сентября 1928 года. Кроме необходимых свидетелей, никто об этом не знал. В конце октября 1928 года часовня и православная церковь были без указания причины неожиданно закрыты.

Все наши хлопоты, чтобы их вновь открыть, только усилили сопротивление. Итак, начали мы служить Святые Мессы в наших комнатах. Мы делали это ночью каждый день, и последний заканчивал перед самым ранним подъемом. Из администрации никто об этом не знал.

В конце января была сделана всеобщая проверка в комнатах духовных лиц. Они отобрали наши служебники, богословскую литературу и просто все, что пахло духовным чтением, равно и всю святую посуду, и священнические одежды. Удалось спасти несколько книг и чаш. Потом нас разделили. В основном мы попали в бараки к уголовникам. Они накладывали на нас самые тяжелые работы. Я был возвращен обратно вместе с четверыми священниками. Продолжалась наша совместная жизнь, и я мог дальше ежедневно служить Святую Мессу. Конечно, ночью.

30 января 1929 г<ода>.

Совсем непредвиденно меня перевели с острова Соловки⁷ на остров Анзер. Этот остров находится приблизительно в 20 километрах от Кремля. Точнее: 15 километров по суше и 5 километров по воде. В эту пору море было замерзшее. На Анзере я получил приказ направиться на командировку Троицкую. Командировка Троицкая представляла три барака. Один был пустым без дверей и с выбитыми окнами. Второй служил тюрьмой, его окна были зарешечены железными прутьями. Когда я прибыл, там было примерно двадцать человек. Кругом лежали заключенные, одни полностью раздетые, другие в нижнем белье, некоторые — только в кальсонах. Когда я приблизился к третьему бараку, я смог прочитать надпись: "Штрафколонна Троицкая"⁸.

Здесь я и должен был расположиться. После формальностей в регистрационном бюро я вошел. Что за печальный вид! Русская сельская изба разделена на два помещения с железной печкой посередине. В одном жили "привилегированные": охранник, хозяин и не знаю, кто еще. В другом — находились 2 ряда деревянных нар. Здесь в тесном зале толпились заключенные. Спорили местные и молодые люди, довольно подозрительно выглядывшие. За три дня до моего прибытия покинул барак архиепископ Петр Зверев⁹ из-за сильного сыпного тифа и был отправлен в больницу. Никто не желал занять его койку. Мне она была предложена, и я охотно согласился. Архиепископ Петр скоро скончался¹⁰. Все были убеждены, что он был отравлен в больнице. Считалось нормой, что в госпитале на острове Анзер и в лагерной командировке Голгофа медицинский персонал травил больных. Такие факты отражены даже в актах Соловецкого ГПУ, а именно в инструкции о практической подготовке

⁷ На самом деле — с Центрального Соловецкого острова.

⁸ В немецком издании "Троицкая" пишется, как "Троцкий" — несомненно, это ошибка немецкого переводчика.

⁹ Зверев Василий (Петр) Константинович, родился в 1878 в Москве. Окончил историко-филологический факультет университета в Москве, поступил в Казанскую Духовную Академию. в 1900 — принял монашеский постриг с именем Петр; вскоре рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. По окончании Академии преподавал в духовной семинарии в Орле, затем — епархиальный миссионер; с 1907 — инспектор Новгородской духовной семинарии, с 1909 — настоятель Спасо-Преображенского монастыря в Тульской епархии, архимандрит; в 1916 — священник в действующей армии; с марта 1917 — настоятель Свято-Успенского Желтикова монастыря в Твери. 15 февраля 1919 — хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Служил в Печерском монастыре Нижегородской губ. В мае 1921 — арестован, тайно отправлен в Москву и заключен в тюрьму. В конце июля 1921 — отправлен в Петроград, в декабре освобожден, вернулся в Москву. В 1922 — вновь арестован, в ноябре доставлен в Москву, в марте 1923 — выслан в Кзыл-Орду, летом 1924 — вернулся из ссылки в Москву. В июле 1925 — направлен в Воронеж, в 1926 — назначен на Воронежскую кафедру в сане архиепископа. В ноябре 1926 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

¹⁰ 7 февраля 1929 — архиепископ Петр скончался.

заведующего отделением. Когда больной, находящийся в той больнице, держал у себя деньги, то посредством внутривенного укола он мог быть отправлен в загробный мир. Архиепископ Петр был уже на пути к выздоровлению и надеялся скоро покинуть больницу, когда неожиданно умер. А у него были деньги. Я не знаю, кто их себе взял.

Сейчас же началась для меня новая жизнь. Никакой мессы больше. В бараке с утра до вечера сквернословили, дрались, богохульствовали, рассказывали истории, противные вере и исходящие из испорченной морали. Я доверил свои вещи одному старому вору, поделив с ним все, что имел. Среди остальных разделил поровну все, что я получил. К такому выходу меня побуждали грубыми шутками и нападками на меня и в будущем. Кроме того, они знали, что священнику можно доверять с самого начала. Поэтому я был также назначен ночным сторожем. Я должен был следить, чтобы заключенные не слишком друг друга обворовывали. Так продолжалось до начала июня.

Жестокость нечеловеческих условий жизни на острове Анзер дошла до такой степени, что в одном только 1928 году из числа 1000 заключенных умерло 70 процентов, то есть — 700 человек. Однако, все время прибывали новые, так что число жителей острова не уменьшалось, а оставалось постоянным. Ужасные условия в бараке: теснота, грязь, насекомые, голод, — способствовали распространению тифа.

В начале июня с Соловков на командировку Троицкую были высланы 22 католических священника. Нас втиснули всех вместе в один отдельный барак и изолировали нас полностью от других узников. Неоднократно мы предлагали, чтобы мы все были переведены в ту избу, которая во время моего прибытия служила тюрьмой. С нами был также епископ русской Церкви и один украинский священник церкви в Липковском¹¹. Изба имела 5 метров в длину, 4 метра в ширину и 2 метра высоты. Можно было запросто достать до потолка вытянутой рукой. Была там также железная печка. Мы сами сколотили двухэтажные нары и после больших усилий высвободили место для всех. Мы спали бок о бок. Четыре человека могли пристроиться в углу за печкой полусидя. Хорошо в этой ситуации было то, что все мы были священниками, и с первого момента заботились, где и как мы можем служить Святую Мессу. Несмотря на все контроли и обыски, мы считали необходимым совершать Святую Жертву.

Сначала у нас не было служебника, и мы пользовались одним экземпляром молитвенника "Господу помолимся", в котором находился текст Святой Мессы "De Sacramento" ("О Таинстве Евхаристии"¹²). Несколько дней мы служили в лесу на одном большом камне, но это было непрактично и опасно. Потом мы построили на чердаке алтарь из нескольких чемоданов и таким образом втайне от всех ежедневно могли служить Святую Мессу — на коленях, неподвижно, для того, чтобы крыша из-за движения нашей головы не шаталась. Здесь мы также исповедовались друг у друга.

Когда позднее нас перевели в другой барак, мы снова сделали чердак часовней. Он был просторнее предыдущего, и мы могли подумать о том, чтобы более или менее соблюдать [церковные] правила. Сначала у нас было немного вина для Мессы, присланного нам. Но когда запретили нам служить Святую Мессу, запретили также получать и вино. Они досматривали все адресованные нам посылки, значит, мы потом были вынуждены сами себе приготавливать вино для Мессы. Мы последовали тому совету, который дает Танкерей в своей "Теологии": использовать изюм. Мы совершали Мессу только на нескольких каплях вина. Изюм

¹¹ Непонятно, фамилия священника была Липковски или местность называлась Липковски.

¹² Примечание отца Болеслава Чаплицкого.

вылавливали из компота, который мы специально для этой цели покупали. И мы изощрялись, как могли, чтобы суметь его получить. Чаши были из олова, самодельные, крышка из жести служила нам как патена. Мы самостоятельно готовили также облатки из покупаемой нами или полученной в посылках пшеничной муки. Наши благодетели прекрасно понимали, для чего это предназначено, и также старались, чтобы мы могли получить все необходимое для Мессы. Мессы совершали мы в одной только столе¹³ с гумералом¹⁴.

Изоляция от других заключенных привела впоследствии к тому, что мы нашу пищу получали не из общего котла, но сами должны были готовить из переданных в наше распоряжение запасов. Один наш священник был поваром. Сперва он готовил под открытым небом на большой каменной плите. Но дожди и ветер мешали ему так сильно, что мы стали искать другое решение. В конце концов, мы пришли к выводу, что надо выкопать землянку, предназначенную для кухни. Мы не имели никаких инструментов, а почва состояла из одних камней. Самый большой камень, который мы вытащили, весил около 5000 килограммов. Потом мы взяли брусья и доски, выброшенные морем на берег, и построили землянку для нашей кухни с местом для столовой. Некоторые из нас проявили себя как настоящие эксперты по строительству. Кухня-столовая была освящена, и мы кушали с молитвой до и после еды, как в семинарии. Часто происходили обыски на чердаке и на кухне, но литургическую посуду не находили. Праздничные дни мы отмечали с особым вниманием. Даже когда мы служили Мессу ночью, это происходило не без риска, потому что нас часто контролировали, все ли мы находимся в бараке. Но Бог охранял нас своей рукою, чтобы мы не были застигнуты врасплох. 2 раза мы устраивали реколлекции¹⁵, с учетом обстоятельств в течение трех дней. Темы для размышлений мы передавали друг другу в перерывах на работе. Это также делалось незаметно и без инцидентов.

Вначале материальная ситуация складывалась хорошо не для всех, просто того, что выдавало нам государство, хватало не на всех. Некоторые, к ним принадлежал и я, получали поддержку от своих прихожан в виде денег или продуктов. Другие ничего не получали. Мы все вместе сели и решили, что, согласно воле нашей маленькой общины, мы введем коммунизм. Каждая посылка или подарок, которую кто-либо получал, становилась общей собственностью. Это также касалось и денег. Каждый получал долю, которая возникала при разделе. Также при еде утром, в обед и вечером делили на порции хлеб, сахар и все остальное. Этот коммунизм требовал согласия и подчас даже привлекал к себе внимание охранников. Они соглашались, чтобы нас назначать не по отдельности, но исполнение и распределение работ передавать нам. Каждому, кто должен был идти работать, давалась определенная норма, так что мы иногда могли освободить от работы слабых и больных. Согласие и взаимное доверие у нас были совершенные. Не было ни одного случая, чтобы кто-то отказывался выполнять свою работу, если это только было возможно. Сами работы были разнообразны. Главное занятие заключалось в том, чтобы в лесу рубить деревья и приносить в лагерь. Это было для нас тяжело и трудно. Мы должны были перетаскивать бревна с расстояния двух или трех километров туда, потом мы их распиливали на меньшие куски. Этот путь мы проделывали четыре или пять раз в день туда и обратно. Мы должны были также копать землю

¹³ — элемент литургического облачения католического клирика; шелковая лента 5-10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами.

¹⁴ Гумерал (накидка, наплечный плат) — деталь католического литургического облачения, представляющее собой широкую накидку, покрывающую плечи и руки вплоть до кистей.

¹⁵ Реколлекции — название духовных упражнений, используемых в Католической церкви, к ним относятся молитвы, размышления над библейскими чтениями, медитации.

и рыть ямы. Наиболее трудной работой, продолжавшейся весь год, были пригтовления к возведению убежищ с подвалами.

Однажды мы рискнули выразить протест против нечеловеческих требований. В ответ надзирателям были выданы винтовки. При работе за нами всегда следил один уголовник, который был специально подобран и отбывал свое наказание здесь.

Вначале мы еще могли покупать молоко для нашей группы. Потом нам это запретили. Строго следили за тем, чтобы мы не покупали в лавке для заключенных тех вещей, которые для других были разрешены, но запрещены для нас. В лавку могли ходить не все, только один или в крайнем случае два человека, которые должны были делать покупки для всех остальных. Магази́чик находился на расстоянии 5 километров. Однако товар отпускался только тем лицам, которые непосредственно находились в магазине, так что мы по сравнению с другими даже в этом отношении находились в невыгодном положении. Два раза нас обыскивали особенно тщательно, чтобы установить, не имеется ли у нас слишком много продовольствия.

Также и посылки, которые мы получали, тщательно контролировались надзирателями. После закрытия нашей часовни, они регулярно изымали из наших посылок вино для мессы, все книги и такие культовые предметы, как четки, медальоны, образа. Не пропускали ничего.

1930 год был переполнен страданиями. Надзиратель, вооруженный винтовкой, не спускал с нас глаз ни на мгновение, сотрудники ГПУ заходили в нашу избу не менее десяти раз в день, приходили также ночью для внезапного контроля, а в нашем отсутствии находили беспорядок.

Несмотря на тесноту и запреты, наша изба была выкрашена известью, когда в других бараках все было сделано кое-как. Наша хижина оставалась чистой. Она была, пожалуй, самой чистой во всем лагере. Каждый день комендант лагеря поднимал шум; потому что «было видно, что у католического клира намного чище», чем в других бараках.

Выискивались всякие возможности, чтобы нас спровоцировать. Еще до того, как мы были собраны в одном бараке, они поместили одного нашего священника, отца Дейниса¹⁶, в изолятор под предлогом, что он был замешан в деле троцкистов. Там он был вынужден весь месяц жить в ужасных условиях. Только благодаря очень решительному протесту с его стороны, он не был приговорен к смерти и вскоре снова к нам присоединится. Один священник, только за разговор с кем-то из заключенных-католиков, был обвинен в причастности к его делу, другой, который работал на складе продовольствия, был подставлен под хищение государственного имущества, а именно продуктов питания; еще один был заключен в тюрьму, потому что, будучи поваром, улучшал питание заключенных. В том случае один провокатор старался неоднократно его оклеветать, что он подкупает следователя деньгами. Будучи руководителем группы, я решительно протестовал против этого и раскрыл настоящую цель этой провокации. Сейчас его снова выпускают из тюрьмы. Чтобы никакие провокации не привели к жертвам, мы подстраховывались тем, что остерегались всякой особенной работы, из которой можно было извлечь выгоду. Статус чернорабочих эффективно защищал нас только от этой опасности, однако не от другой, а именно, — быстрее скончаться вследствие перегрузки и тяжелых условий работы.

При медицинской проверке летом 1930 врач установил, что мы все,

¹⁶ **Дейнис** Викентий Викентьевич, родился в 1880 в Риге. Окончил духовную семинарию, 1 марта 1903 — рукоположен. С мая служил vikарием прихода в Двинске, с ноября 1905 — прихода под Минском. В декабре 1908 — выслан в монастырь, с апреля 1911 — настоятель прихода в Юрьеве, позднее в Ямбурге и Пскове, с 1926 — в Ленинграде. 5 февраля 1928 — арестован, 13 августа приговорен к 7 годам и отправлен в Соловецкий лагерь.

молодые и старые, болели нервным расстройством, страдали от воспаления сердечной мышцы и поэтому мы рассматривались, как лица с частичной или полной нетрудоспособностью.

К окончанию моего лагерного срока охранники для своего развлечения увеличивали нашу рабочую норму за счет сна и праздников.

Я обратил внимание моих братьев на эти акты произвола и примеры "odium religionis"¹⁷. Мы решили, что по воскресеньям и праздникам не будем больше работать совсем, несмотря на то, к каким последствиям это приведет. До моего отъезда мы все держались. Потом группа священников была рассеяна, некоторые попали в тюрьму. Возможно, поводом для этих мер была наша стойкость. Чтобы наше положение не ухудшилось еще более, мы вынуждены были "подмазывать"¹⁸ чиновников из управления, охранников и руководство. Мы хорошо усвоили: если на нас валились особенно тяжелые работы и трудности, значит, мы должны забыть о деньгах, которых в виде подарков ожидали от нас персонал и наши надзиратели. Это мы узнали на собственном опыте.

Летом 1930 нам было запрещено носить сутаны и консультироваться у врачей-специалистов на Соловках. Невозможно, все описать. Когда привыкаешь ко всем этим событиям, считаешь это почти нормальным состоянием. Только спокойно поразмыслив, познается весь ужас ситуации. И все же наше положение было еще не из худших. Нас считали за людей с принципами, порядочных и образованных. Но то, что происходило с основной массой заключенных, было воистину невыносимым.

На наших глазах на них набрасывались надзиратели с палками, останавливали, задерживали их и бросали среди зимы совсем голых в ледяную тюрьму. Комендант лагеря лично показал мне дыру в стене, через которую ветер мог дуть в карцер. Однажды я сам должен был пробыть в этом карцере 24 часа. Это было только в мае, и благодаря моему сопротивлению они разрешили мне также одеться.

Было больно смотреть, как сильные крестьянские парни сначала худели, потом слабели и в конце умирали от истощения. Среди них находилось и несколько католиков, но было почти невозможно наладить с ними контакт или уход за ними. В мое время главным врачом больницы на Анзере было настоящее жесточайшее чудовище. Ему доставляло садистское удовольствие мучить больного, который не мог ничего возразить. Покойникам он вырывал золотые зубы, а одному больному, который это заметил, приказал ампутировать одну ногу, несмотря на то, что у того была тифозная лихорадка. Больной не пережил операции.

Одним из наиболее ужасных наказаний на Соловках и Анзере была "жердочка". На колокольне без окон при бывшей церкви вдоль четырех каменных стен находились узкие полки и притом на такой высоте, что сидя, невозможно было достать стопами до полу. Наказанный должен был находиться только в рубашке и кальсонах весь день прямо, как свеча, положив руки на колени, сидеть на этих полках в сквозняке. Мне не пришлось перенести этого мученья, это выпало на долю, пожалуй, только одного из наших священников, к счастью, однако, не слишком надолго. Так как эти пытки продолжались и до полугода, дольше никто не выдерживал. Жердочка находилась на Соловках в Центральной тюрьме Кремля и на Секирной Горе, на Анзере она располагалась в лагере "Голгофа".

Положение женщин в лагере было действительно ужасно. Они были помещены в отдельном бараке, и другим узникам было строго запрещено поддерживать с ними какие-либо контакты. Среди них было много и проституток, но также и простых честных крестьянок, образованных женщин и, действительно, дам из аристократии. Было велико число

¹⁷ Ненависти к религии — примечание отца Болеслава Чаплицкого.

¹⁸ Давать взятки — примечание отца Болеслава Чаплицкого.

молодых девушек. Совместная жизнь всего этого "бабья" шокировала вновь прибывавших женщин. Доходило до того, что коменданты, надзиратели и служащие из этой среды выбирали служанок, естественно, чтобы из них сделать наложниц. Когда одна из них воспротивилась сексуальным домогательствам своего хозяина, то была отправлена на наиболее трудную и плохую работу, ее бросили под каким-то предлогом в тюрьму, не давая ни одежды, ни белья! Несчастную к тому же не оставляли в покое негодяи, которые приставали к ней всю ночь, и в конце концов, она была побеждена, каждому отдавалась, кто ее хотел использовать. Несмотря на запреты контактов между полами, на самом деле бывали связи и любовные отношения среди заключенных. Да, распущенность и разврат были неопишываемые...

В лагере находились также многие женщины, члены моей Белорусской епархии. Католические женщины и молодые девушки держались во время испытаний чаще всего стойко. Но, к сожалению, встречались и такие, которые поддавались искушениям сначала один раз, потом, однако, снова и снова погружаясь в грязь разврата. Некоторые женщины из нашей епархии были настолько исполнены своей чистоты и преданности Богу, что они среди других женщин и девушек проводили плодотворный апостолат. Их любовь к ближнему, и пример их ангельской чистоты, неоднократно предотвращали падение других в пропасть безнравственности. Здесь выделялись особенно многие белорусские крестьянки, но надо также вспомнить достойные восхищения страдания маленькой группы сестер-доминиканок из русской общины в Москве. В них всегда присутствовала действенная любовь к ближнему. Они облегчали страдания больных, горе маленьких детей, голодающих и жаждущих, независимо от того были они католиками или нет. Их слова и их самообладание отражали их чистоту, их любовь ко Христу и их преданность Церкви.

Я вспомнил слова Святейшего Отца, сказанные монсеньеру д'Эрбиньи: «*In necessitate, divina tantum sunt observanda*»¹⁹. Эта фраза стала для меня ключевым правилом. Я опирался на нее при каждой возможности действовать, будь это для меня лично или для других.

Когда наша часовня была закрыта, женщины не могли больше принимать Святое Причастие. Оно приносилось к забору, завернутым в чистый платок, оттуда они несли Святые Дары дальше в свою хижину, и каждая отдельно принимала их, не касаясь руками тела нашего Господа. Когда священник однажды не мог сам лично принести Святые Дары, это дело было доверено двум молодым людям, которые с нами жили и готовились к рукоположению. Некоторые священники сомневались насчет способа, каким выдавалось Причастие. Но я не колебался и настаивал на этом, хотя бы потому, что был убежден, что сестры и двое молодых людей из этого дела будут извлекать большую духовную пользу. Я успокоил этих священников тем, что Святейший Отец будет об этом проинформирован при первой возможности, и я сам, если будет необходимо, приму на себя наказание.

Мы принимали исповеди наших католиков, когда случайно встречались или проходили часть пути вместе. Мы давали им Святое Причастие в лесу, а также в сторожках, если мы были поставлены вахтерами. Однажды я взял частицу из моей священнической облатки, чтобы дать одному верующему. Какое утешение дарило нам это среди моральных страданий, которые мы в этой испорченной среде должны перенести и пережить.

¹⁹ "В испытаниях Божественные [законы] так [совершенно] соблюдаются" — примечание отца Болеслава Чаплицкого.

Мое состояние здоровья резко изменилось. Однажды на работе я вывихнул себе руку. В течение 2 месяцев я мог пользоваться только другой рукой и имел при этом повышенную температуру. Зимой 1929-30 г<ода> схватило всю левую половину тела. Я не мог больше сгибать колени, и каждое движение вызывало сильные боли. Единственным эффективным средством против этого, которое я мог получить в лагере, были горячие ванны. Весною 1930 года к этому добавилась свинцовая усталость, все вокруг стало для меня безразличным, неинтересным. Такие же симптомы наблюдались и у некоторых других священников. Вероятно, перегрузка и истощение явились почвой для этого психического расстройства. В то время священники просили меня, чтобы я перед моим прощанием провел для них еще реколлекции²⁰, и было бы ошибкой им в этом отказать, но я не чувствовал себя в состоянии предложить какое-нибудь размышление.

13 октября 1930 г<ода>.

Время моего заключения истекало 17 сентября 1930 г<ода>. Своевременно я отдал соответствующее заявление. 13 октября меня вызвали в администрацию. Я должен был пойти со всеми своими вещами. Священники помогли мне донести багаж. От командировки Троицкая до центрального лагеря на Анзере было 5 км. Там нужно было всю ночь бодрствовать и ждать отъезда. Ни на мгновение я не мог спустить глаз со своих вещей и моих продуктов в дорогу, чтобы меня не обокрали. Утром 14 октября нам приказали, чтобы мы несли свой багаж 2 км к морю. Я постоянно отставал и постоянно боролся с собой, чтобы не оставлять вещей. Лавина оскорблений и ругательств обрушилась на меня, но протест возымел успех. Колонна получила в распоряжение телегу для транспортировки багажа. Следующие пять километров до следующего острова добирались без инцидентов. Потом мы должны были пройти 15 км. Пешком по осенней грязи. С багажом повторилась та же история, что и на Анзере. Эта "шутка" надзирателей над заключенными была известна, а именно — сначала оскорбляли, потом заставляли бежать или быстро шагать. Но для изменения ситуации было достаточно явного протеста.

На два года раньше, в ноябре 1928 г<ода>, когда я еще был сторожем на Соловках, надзиратели гнали передо мной колонну заключенных обратно с Анзера. Ледяной ветер дул с севера. На лодке, которой несчастных перевозили на остров Соловки, было 60 заключенных, среди которых двадцать абсолютно голых. Половина умерла по дороге, остальные — после прибытия. На следующий год, в 1929 г<оду>, вскоре после первого мороза, одна группа узников непосредственно после прибытия, была отправлена в лес, рубить деревья. Два дня спустя эту группу вернули обратно. Все имели отмороженные руки и ноги. Многие из них умерли, другие остались на всю жизнь инвалидами.

14 октября 1930 г<ода>.

Нашу группу направили на Соловки. Мне дали место в одном бараке, в котором помещалось более двухсот мужчин, в основном — опасных преступников. В тот же вечер у меня, несмотря на всю мою осторожность и бодрствование украли вещи. Мне оставили то, во что я был одет и одну пустую коробку. Я жаловался всеми способами. Результатом было что злодей, которого ко мне приставили, как сопровождающего, грозил мне ножом. Вещи, конечно, исчезли. В определенном смысле я не был опечален по поводу этого воровства. Сейчас, по крайней мере, я больше

²⁰ Реколлекции — духовные упражнения в Католической Церкви: молитвы, размышления над библейскими чтениями, медитации.

не должен был таскать своих вещей. Это меня освободило до такой степени, что я вернул обратно одному нашему священнику свои валенки и свою зимнюю одежду. Через несколько дней я прошел карантин. Там в маленькой комнате я встретил двух католиков из Белоруссии, для которых срок принудительных работ тоже истекал. Что нас ожидало? Мы были почти полностью уверены, что нас отправят в какой-нибудь отдаленный район страны в ссылку или дадут знаменитое «минус шесть», что означает выбор места жительства за исключением шести главных регионов.

28 октября 1930 г<ода>.

Вечером меня вызвали в бюро и определили, что под свою подписку я могу передвигаться своим ходом. Конкретно это означало, что я могу свое место жительства определить сам, но должен при каждом его изменении проинформировать об этом руководство Соловецкого лагеря. В ответ на мой вопрос мне было объяснено, что этот новый способ освобождения применяется потому, что инструкции из Москвы насчет моего дальнейшего будущего еще не поступили, с другой стороны, мой срок наказания истек, и поэтому я не могу оставаться в Соловецком лагере. Значит, речь идет об освобождении с оговоркой, а именно, зависящем от окончательного решения ГПУ в Москве.

Я выбрал город Могилев в Белоруссии, где я когда-то исполнял свое служение как епископ. Кроме этого, просил вернуть мне книги, которые у меня изъяли во время обыска. Последнее, конечно, напрасно.

29 октября 1930 г<ода>.

С самого утра сразу начались формальности, связанные с освобождением. Нас повели в баню, дезинфицировали вещи и одежду горячим паром. Передали нам документы и сопроводительные письма. После последней проверки мы сели на баржу, которая на буксире была доставлена в Кемь. Там мы высадились вместе с нашим конвоем и остались стоять на причале. Мы на самом деле не знали, что происходит, в конце концов один из нас спросил конвоиров, что мы сейчас должны делать. «Делайте, что хотите, — последовал ответ. — Сейчас это уже не наше дело». Затем снова, впервые после такого долгого времени взяв по своему решению свой багаж, мы бросились к вокзалу. Я ощутил, как поднялось во мне забытое чувство свободы, когда я самостоятельно покупал билет в Могилев. Другие католики взяли билеты в Минск, через пять часов с вокзала в Кеми туда отправлялся поезд. До Петрозаводска наши документы неоднократно проверялись служащими ГПУ. Бумаги были безупречными. Однако нас всегда пугал патруль, который выкрикивал из-за спины: «Документы!» Мы опасались какой-нибудь неправильности в документах, никто не хотел даже малейшего предлога, чтобы вернуться на Соловки. Наша фантазия рисовала эту так горячо ожидаемую свободу в самых прекрасных красках. Хватит ежедневных обысков и контроля. Нет постоянной зависимости от какой-либо личности, которая тебе с утра до вечера угрожает и подвергает мучениям и страху. Эти чиновники, которые проверяли наши документы в поезде, едва умели читать, и сложности, которые они имели с нашими бумагами, были для нас настоящей пыткой. После Петрозаводска мы обрели в какой-то степени покой.

30 октября в полночь я приехал в Ленинград. Поезд в Могилев уходил только в следующую среду, так что я решил в свободное время посетить монсиньора Малецкого²¹.

²¹ **Малецкий** Антоний Иосифович, родился в 1861 в Санкт-Петербурге. Учился в немецкой гимназии, потом — в частной гимназии. Обучался в военном училище, но не закончил его. Окончил духовную семинарию, в 1884 — рукоположен. Служил викарием в Витебске, с

Тогда я пошел на Первую Красноармейскую улицу, под номер 11. Когда хозяйка услышала мое имя, открыла и попросила войти, монсиньора, однако, не было, она сказала, что временно он живет по ул<ице> Кирилловской, поблизости от церкви Непорочного Сердца Марии. Когда я хотел уйти, она встала у двери и попросила меня остаться, потому что, если бы я ночью постучался в его двери, у него могли бы разболеться сердце и почки, так часто приходят к нему с постоянными ночными проверками и обысками из ГПУ. И я был вынужден уступить и переночевать здесь. На мой вопрос, кто является настоятелем семинарского прихода, где я хотел рано утром служить Мессе, она ответила, что семинария закрыта и полностью разграблена, настоятель, отец Августин Пронцкетис²² живет при церкви Св. Екатерины. Наверное, я назвал некоторые имена членов прихода, которых я знал. Ответ: они были отправлены на Соловки или заключены в тюрьмы. Больше почти никаких католиков в городе не осталось. Это все случилось за те три года, что прошли после моей последней остановки в Ленинграде. Немало женщин из прихода были отправлены в ссылку, потому что они из чистой любви к ближнему отправляли священникам на Соловки передачи. Это были самые лучшие и добрейшие члены общины. Когда хозяйка мне это все рассказывала, ее лицо выражало невыразимую боль и великую любовь к Церкви. Я был потрясен. Мое сердце сжалось. Радость свободы, отступала перед ужасом действительности.

На следующий день я поднялся рано и поехал на трамвае на Кирилловскую по давно знакомым улицам. Было полседьмого. Церковь была открыта. Когда я вошел, в полумраке молилось несколько женщин.

1885 — в Минске, с 1886 — настоятель собора. В 1886 — арестован и как «*ослушник правительства и порочный ксендз*» выслан у в Сибирь; ссылка заменена на пребывание в монастыре в Аглоне в течение 3 лет. С 1887 — викарий прихода в Санкт-Петербурге. В 1896 — создал приют для мальчиков, при нем построена часовня Св. Сердца Марии, создана ремесленная школа, в 1905 — школа для детей из польских семей в Луге, в 1915 — школа для обучения детей сельскохозяйственным профессиям. До осени 1918 — заведующий частными учебными заведениями поляков; почетный каноник. С 1919 — настоятель часовни Непорочного Сердца Марии; с 1921 — ректор подпольной семинарии. В марте 1923 — арестован, 21-26 марта 1923 — приговорен к 3 годам тюремного заключения. Содержался в Лефортовской и Сокольнической тюрьмах в Москве, перенес там инфаркт. В январе 1925 — освобожден и вернулся в Ленинград, служил настоятелем храма Св. Екатерины; генеральный викарий Могилевской епархии. 13 августа 1926 — тайно хиротонисан во епископа, администратор Ленинграда. 5 мая 1927 — арестован и выслан в Вятку, 13 мая тайно выехал в Архангельск. Властями дано разъяснение, что он не арестован и не сослан; вернулся из ссылки досрочно; лично обслуживал многие храмы, руководил и преподавал в нелегальной семинарии. 20 ноября 1930 — арестован, 21 ноября приговорен к 3 годам ссылки в Восточную Сибирь; с 1930 — жил в пос. Дубинино под Братском. 27 февраля 1934 — освобожден из ссылки, вернулся в Ленинград, 20 апреля выехал в Москву для выезда в Польшу, 28 апреля прибыл в Варшаву, помещен там в госпиталь сестер-монахинь. 17 января 1935 — скончался.

²² **Пронцкетис** Августин Петрович, родился в 1886 в д. Жилияны Шавельского уезда Ковенской губ. В 1904 — окончил гимназию в Санкт-Петербурге, в 1910 — духовную семинарию, 13 марта рукоположен. С апреля по июль 1910 — викарий прихода в Полтаве, с июля 1910 — в Пределе, с августа 1911 — в Краславе, с сентября 1913 — в Двинске. С 1914 — настоятель прихода в с. Рунданы под Люцином, с ноября 1916 — викарий храма в Петрограде. 5 декабря 1922 — арестован, вскоре освобожден. 10 марта 1923 — арестован в Москве. 21-26 марта 1923 — на судебном процессе приговорен к 3 годам тюремного заключения; наказание отбывал в Сокольнической тюрьме. В январе 1925 — освобожден, вернулся в Ленинград; служил викарием, с 1928 — настоятелем храма. С октября 1926 — преподавал литовский язык в подпольной семинарии. С января 1930 — служил в приходах Луги и в Ленинградской области; с лета 1930 — генеральный викарий епархии. С июня 1930 — настоятель храма Св. Екатерины в Ленинграде. 14 апреля 1932 — арестован, 19 июня приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. 19 мая 1933 — вывезен из лагеря в Москву и помещен в Бутырскую тюрьму; 26 сентября освобожден из тюрьмы и выехал по обмену в Латвию. С 1938 по 1939 — ректор часовни в Шальтиняе. В 1970 — скончался в Шедуве Паневежской епархии.

Никто меня не узнал. Я пошел по лестнице вниз и постучал в дверь. Монсеньор Малецкий не спал, опершись о дверь, он читал как раз на коленях свой breviарий²³. Он сразу меня узнал. Мы обнялись. Я заметил его волнение и показал ему свои документы, чтобы его успокоить. Он посмотрел на них, обрадовался и сказал, что он ничего не боится. Во время моей Мессы пришли верующие, которые меня вспомнили. Я слышал плач. Только два часа осталось мне еще для разговора. Монсеньор Малецкий описал мне положение Церкви в Ленинграде... Он сам чувствует себя изолированно, полностью одиноко. Апостольскую работу вести невозможно, только служится Месса, читается breviарий и совершаются таинства в церкви. Он живет на пожертвования общины. Постоянные посещения ГПУ беспокоят его. Лично его проверяют и сейчас снова его предупреждают, чтобы он самовольно не отлучался, а не то сразу будет арестован. Он прочитал мне заявление, которое он в связи с этим подготовил и хотел предложить ГПУ. Он просит о том, чтобы его оставили в Ленинграде, и он всегда будет находиться на месте, что он никогда не будет заниматься политикой, а его священническая деятельность будет заключаться только в том, чтобы заботиться о стариках и детях рабочего класса. Отец Августин Пронцкетис узнал, что я здесь, и примчался. Он является единственным человеком в Ленинграде, которому епископ может доверить свои заботы и переживания. К одиннадцати часам я попрощался и пошел на вокзал. На завтра, в День Всех Святых, я должен был прибыть в Могилев.

²³ Бrevиарий — богослужебная книга, содержащая чинопоследования литургических часов в Католической церкви.